

М. А. Герман

КИТАЙ В УПРАВЛЕНИИ БЕЗОПАСНОСТЬЮ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: КОНЦЕПЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ДИПЛОМАТИЯ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

Аннотация. В 2023 г. при посредничестве Китая Саудовская Аравия и Иран восстановили дипломатические отношения, что положительно сказалось на динамике развития региональной ситуации на Ближнем Востоке. Несмотря на то, что Китай успешно выступил медиатором и открыл новую страницу в ближневосточной дипломатии, США, как внешняя сила в регионе, а также стремительно меняющаяся геополитическая обстановка послужили основными факторами, ограничивающими активную политическую роль Китая на Ближнем Востоке. Достижение соглашения между Эр-Риядом и Тегераном – первый практический результат китайского подхода к достижению безопасности на региональном уровне. Однако дальнейший успех будет зависеть от желания обеих сторон решить дилемму безопасности и укрепить взаимное доверие.

Ключевые слова: Китай, Ближний Восток, Саудовская Аравия, Иран, региональная безопасность, дипломатия, посредничество

Maria A. German

CHINA IN MIDDLE EAST SECURITY MANAGEMENT: THE CONCEPT OF ENSURING REGIONAL SECURITY AND MEDIATION DIPLOMACY

Abstract. The dynamics of the regional situation in the Middle East improved in 2023 when Saudi Arabia and Iran reestablished diplomatic relations through China's mediation. However, notwithstanding China's successful mediation efforts and the opening of a new chapter in the Middle East diplomacy, China's active political participation in the region is limited by the USA presence as an external power and the shifting geopolitical landscape. The first concrete outcome of China's strategy to achieve regional security is the agreement between Riyadh and Tehran, but future success will depend on both parties' desire to enhance mutual trust and find a solution to the security conundrum.

Keywords: China, Middle East, Saudi Arabia, Iran, regional security, diplomacy, mediation

Введение

Королевство Саудовская Аравия (КСА) и Исламская Республика Иран (ИРИ), являясь региональными лидерами Ближнего Востока и крупнейшими мировыми экспортерами нефти и природного газа, оказывают значительное влияние на формирование глобальных цепочек энергоснабжения и энергетической безопасности в целом. Сложные и изменчивые двусторонние связи, сопровождавшиеся трехкратным разрывом и возобновлением дипломатических отношений, обременены геополитической конкуренцией, военным соперничеством, межконфессиональными разногласиями и территориальными спорами. Специфика ирано-

саудовского взаимодействия в немалой степени дестабилизируют региональную обстановку и ухудшают общую среду безопасности на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива.

В 2022–2023 гг. постпандемийное снижение темпов экономического развития, а также падение мировых цен на энергоносители и ресурсы привели к бюджетному дефициту в обоих государствах. Поддержка регионального прокси-противостояния стала внушительным финансовым бременем для обеих сторон, в связи с чем Эр-Рияд и Тегеран смягчили внешнеполитический дискурс в отношении друг друга. В сложившихся условиях Китаю удалось взять на себя роль посредника между КСА и ИРИ и оказать содействие в возобновлении дипломатических отношений между двумя странами. В Пекине было опубликовано трехстороннее совместное заявление, подтверждающее восстановление дипломатических отношений между КСА и ИРИ. Данное соглашение не только способствовало нормализации отношений между двумя сторонами, но и открыло новую страницу в развитии китайской ближневосточной дипломатии.

В предлагаемой статье на основе анализа преимущественно китайских материалов представлена эволюция концепции Китая по формированию стабильной системы региональной безопасности на Ближнем Востоке, раскрываются преимущества и сдерживающие факторы посреднической дипломатии Пекина.

Вовлеченность Китая в управление безопасностью на Ближнем Востоке: эволюция концепции и практические шаги

С момента визита Председателя КНР Си Цзиньпина на Ближний Восток в 2016 г. началась новая эпоха ближневосточной дипломатии Пекина, характеризующаяся активизацией многостороннего экономического и энергетического сотрудничества со странами региона, однако в отношении вопросов региональной безопасности и региональных конфликтов Китай четко придерживался сдержанной позиции.

По мере трансформации системы глобальной безопасности и укрепления статуса Китая в качестве «ответственного государства» Пекин особое внимание уделяет геополитической ситуации в регионе Персидского залива и на Ближнем Востоке в целом, в связи с чем корректирует дипломатический курс, постепенно «переходит от экономического сотрудничества к более комплексному, охватывающему вопросы экономики, политики и безопасности» [Ню, Ли, с. 47].

В 2019 г. и 2022 г. Китай провел «Форум по безопасности на Ближнем Востоке», в ходе которого представил свое видение конфигурации «коллективной, комплексной, совместной, устойчивой» архитектуры безопасности Ближневосточного региона. В октябре 2020 г. член Госсовета и министр иностранных дел КНР Ван И инициировал создание платформы для продвижения многостороннего диалога между странами региона с целью урегулирования кризисной ситуации путем коллективных консультаций [Ван И принял участие в министерской встрече Совета Безопасности ООН].

В марте 2021 г. Китай обнародовал Инициативу из пяти пунктов, отражающую необходимые шаги по достижению региональной стабильности: «содействие вза-

имному уважению между государствами и разрешению региональных споров дипломатическим путем; приверженность честности и справедливости в решении палестинского вопроса; формирование регионального режима ядерного нераспространения; укрепление коллективной безопасности посредством продвижения равноправного диалога между странами региона и развития отношений доверительного партнерства; ускорение сотрудничества в целях развития». Китай выступает за создание «коллективной, комплексной, совместной, устойчивой» архитектуры безопасности на Ближнем Востоке, побуждает страны Персидского залива к решению вопросов путем равноправного диалога и консультаций [Ван И выдвинул Инициативу из пяти пунктов].

В апреле 2022 г. Си Цзиньпин на Боаоском Азиатском форуме представил видение Китая в отношении глобальной безопасности, подчеркнув необходимость «придерживаться коллективной, комплексной, совместной и устойчивой концепции безопасности, уважать суверенитет и территориальную целостность всех стран, соблюдать Устав ООН, учитывать интересы всех стран в создании разумной системы безопасности, придерживаться разрешению разногласий и споров мирным путем посредством диалога и консультаций, а также комплексно поддерживать безопасность как в традиционных, так и в нетрадиционных областях» [Си Цзиньпин выступил с речью на церемонии].

В декабре 2022 г. Китай провел первый Китайско-арабский саммит, где приветствовал участие арабской стороны в продвижении инициативы по формированию глобальной безопасности, достижению комплексной безопасности, а также укреплению китайско-арабского сообщества единой судьбы в новую эпоху [Си Цзиньпин: «Продвижение духа дружбы между Китаем и арабскими странами». В том же месяце Пекин провел саммит «Китай – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива», в ходе которого Си Цзиньпин совершил государственный визит в Саудовскую Аравию. В феврале 2023 г. президент Ирана И. Раиси получил приглашение посетить Китай. Очевидно, что встречи на высшем уровне стали важным шагом для подготовки возобновления переговоров между КСА и ИРИ.

В феврале 2023 г. Пекин опубликовал «Концептуальный документ Инициативы по глобальной безопасности», где отразил фундаментальные взгляды Китая на управление глобальной безопасностью. Ранее выдвинутая Инициатива из пяти пунктов по безопасности и стабильности на Ближнем Востоке всецело коррелирует с содержанием нового документа и стала важным звеном в продвижении новой программы [Концептуальный документ Инициативы по глобальной безопасности]. Следует подчеркнуть, что Китай исходит из того, что безопасность на Ближнем Востоке может быть сформирована только усилиями стран региона на основе диалога и консультаций, но не навязана внешними силами. По мнению Пекина, учитывая потребность ближневосточных государств в обеспечении безопасности, внерегиональные акторы могут только содействовать переговорному процессу, эффективно выступая в качестве посредников.

В марте 2023 г. при содействии Китая КСА и ИРИ подписали трехстороннее заявление о намерении восстановить дипломатические отношения между Эр-

Риядом и Тегераном. По соглашению, обе стороны объявили о восстановлении дипломатических отношений в течение двух месяцев и согласились активировать соглашение о сотрудничестве в области безопасности 2001 г., соглашение о сотрудничестве в экономической, торговой, инвестиционной, технологической, научной, культурной, спортивной и молодежной сферах 1998 г. [Совместное заявление КНР, КСА и ИРИ]. 6 апреля 2023 г. в Пекине Саудовская Аравия и Иран подписали соответствующий документ, а министры иностранных дел двух стран объявили об официальном возобновлении дипломатических отношений.

Таким образом, «улучшение всеобъемлющего стратегического партнерства Китая с КСА и ИРИ способствовало укреплению доверия обеих стран к Китаю; Китай последовательно выступал в качестве посредника, что в итоге увенчалось успехом и примирением обеих сторон» [Сунь Дэган, с. 101]. Действительно, достижение данного соглашения является успехом китайской ближневосточной дипломатии, однако его фактическое значение будет во многом зависеть от геополитической ситуации в регионе и желания обеих сторон совершенствовать отношения.

Посредническая дипломатия Китая: преимущества и ограничения

Начавшийся в 2021 г. процесс нормализации ирано-саудовских отношений актуализировал вопрос посредничества. На роль медиатора, помимо Китая, выдвинулись Ирак, Оман и Россия. Несмотря на то, что Ирак провел восемь встреч между ИРИ и КСА и добился некоторых положительных результатов, ожидаемого успеха достигнуть не удалось. Близость его внешней политики к проамериканскому и проевропейскому курсу вызывала сомнения в отношении его нейтральности. Россия неоднократно предлагала посредничество в организации официальных и неформальных встреч, переговорных площадок в Москве. Однако роль России в качестве посредника не рассматривалась ввиду активного ирано-российского сотрудничества, в том числе военного, а также вовлеченности страны в сирийский и украинский кризисы. США, наиболее влиятельный внерегиональный актор на Ближнем Востоке, также не рассматривались на роль объективного посредника ввиду стратегических союзнических отношений с КСА, а также открытого антииранского и произраильского курса внешней политики Вашингтона.

И для КСА, и для ИРИ сохранение баланса сил и нейтралитета явилось ключевым фактором при выборе третьей стороны. По сравнению с другими кандидатами на роль посредника, преимущества Китая сконцентрированы в четырех аспектах: отсутствие негативного исторического прошлого во взаимоотношениях, уникальный характер китайской модели развития, специфика подхода КНР к управлению безопасностью и разрешению конфликтов.

Отсутствие негативного исторического прошлого во взаимоотношениях между Китаем и ближневосточными государствами. С 2016 г. Китай приступил к реализации новой внешней политики на Ближнем Востоке, стремясь установить прочные дружественные отношения со странами региона на принципах взаимовыгодного сотрудничества. В отличие от традиционных внерегиональных акторов ближневосточной системы международных отношений Китай

свободен от «исторического бремени»: Пекин не продвигал социалистическую идеологию, не имел колоний, не создавал военные базы и не был вовлечен в региональные конфликты. Исторический опыт иностранного вмешательства позволяет Китаю понять чувствительность стран Ближнего Востока к вмешательству во внутренние дела. Пекин считает, что «основной путь трансформации Ближнего Востока от хаоса к порядку заключается в избавлении от геополитической борьбы великих держав и в поиске независимого собственного пути развития, характерного для этого региона, в устранении внешнего давления и вмешательства, а также в построении системы безопасности, которая учитывает разумные интересы всех сторон на основе инклюзивности и компромисса» [Ван И выдвинул инициативу из пяти пунктов].

Уникальность китайской модели развития. На фоне усиления взаимозависимости между странами Китай, придерживаясь целей собственного развития, подчеркивает необходимость продвижения взаимовыгодного сотрудничества с другими странами, результатом которого должно стать общественное благо. Пекин исходит из принципа «развитие во имя мира», что подразумевает положительное влияние устойчивого экономического развития на формирование социальной стабильности и, как следствие, снижение внутривнутриполитической и региональной напряженности. Экономическое сотрудничество со странами региона является главным звеном ближневосточной политики КНР, а инициатива «Пояс и путь» — основой экономических отношений. В течение длительного периода китайские энергетические и подрядные компании инвестируют в развитие объектов гражданской инфраструктуры, тем самым способствуют экономическому процветанию региона, что получает положительный отклик и признание со стороны местных властей и общественности.

Уникальность китайской модели управления безопасностью. Китайский подход к глобальному управлению качественно отличается от западного. В течение длительного периода западные страны придерживались принципа «разделяй и властвуй» для управления вопросами региональной безопасности, что не привело к разрешению проблем. Китайская модель управления безопасностью основывается на принципе «объединяй и управляй». КНР и страны Ближнего Востока содействуют установлению многостороннего сотрудничества и партнерства и работают вместе над созданием «сообщества единой судьбы человечества». В отличие от западного подхода, китайская концепция «подчеркивает взаимное уважение, равноправие и принципы совместной безопасности в международных отношениях» [Сунь Дэган, с. 98].

Привлекательность китайского подхода к разрешению конфликтов. Во внешней политике Китай придерживается принципов «разумности, справедливости и законности», соблюдает «пять принципов мирного сосуществования» и международное право. По мере укрепления международного статуса КНР в качестве «ответственного государства» Пекин все активнее участвует в решении международных проблем. Более того, в вопросах урегулирования острых региональных конфликтов Китай избегает двойных стандартов и занимает последовательную позицию, тезисно сформулированную в ряде документов: «три пункта» по йеменскому конфликту,

«четыре пункта» по сирийскому кризису, «четыре пункта» по ливийскому кризису, «четыре пункта» по иранской ядерной проблеме, «три пункта» по палестинскому вопросу. Пекин убежден в том, что только на основе диалога и консультаций, придерживаясь принципов справедливости, равноправия и взаимного уважения, можно фундаментально разрешить региональные конфликты.

Тем не менее представляется возможным выявить два ключевых фактора, которые не позволяют Китаю играть более активную роль посредника в регионе.

Во-первых, американский фактор. Несмотря на сокращение стратегического присутствия на Ближнем Востоке, США по-прежнему внимательно следят за тенденциями регионального развития, остаются главной внешней силой в регионе и оказывают влияние на региональную геополитику и экономику. Идущие в регионе трансформации, в том числе более независимая внешняя политика КСА, регионального союзника США, и посредничество Китая, укрепляющего свои позиции в регионе, очевидно, вызывают опасения в Вашингтоне. В условиях стратегической конкуренции между Китаем и США, Белый Дом прилагает все усилия, чтобы сбалансировать растущее влияние Китая в регионе. В этой связи не исключено, что вмешательство и давление США может сказаться на динамике сотрудничества Китая со странами региона, как, например, происходит в российско-китайском сотрудничестве в банковском секторе. Фактически, после опубликования «Пекинского соглашения» США публично выразили обеспокоенность по поводу продолжающегося расширения влияния Китая на Ближнем Востоке и нарушения Ираном американских санкций [Ню, Ли, с. 52; Hudson et al.]. По этой причине на данный момент в целях защиты зарубежных интересов китайских компаний и снижения риска вторичных санкций США Китай занимает относительно сдержанную позицию в региональных вопросах.

Во-вторых, постоянно изменяющаяся региональная обстановка. Несмотря на то, что 2023 г. стал периодом относительного смягчения отношений между странами Ближнего Востока, начало конфликта между Израилем и ХАМАС в октябре 2023 г. привело к замедлению нормализации отношений между Израилем и странами Персидского залива, включая КСА, и к активизации новых точек нестабильности. Сложная геополитическая ситуация и постоянно изменяющийся расклад сил затрудняют прогнозирование тенденций развития, что также является сдерживающим фактором дипломатического посредничества Китая.

Китай и новый этап развития ирано-саудовских отношений

Трехстороннее соглашение между ИРИ, КСА и КНР, действительно, способствовало продвижению регионального мира и стабильности. Оно усовершенствовало механизм двустороннего сотрудничества: страны открыли посольства и создали консультативные органы. В начале 2024 г. в ходе оборонной выставки в Эр-Рияде военные лидеры Ирана и Саудовской Аравии провели первую встречу после восстановления отношений [Iran at Saudi Defense Show]. Были предприняты шаги для активизации торгового сотрудничества: представители двух стран встретились в Иране и договорились установить прямые воздушные маршруты

для облегчения торговли. Иран также упростил визовые требования для более чем двух десятков арабских стран, включая КСА, Катар, Бахрейн и ОАЭ.

Тем не менее, несмотря на положительный старт, имеется ряд препятствий для дальнейшего экономического сотрудничества. Во-первых, существует огромный разрыв между политическими и экономическими взглядами ИРИ и КСА. «Видение 2030» КСА делает акцент на диверсификацию экономики, отход от ставки на нефтяной сектор, в то время как Иран, находящийся под западными санкциями, пытается решить экономические вопросы именно благодаря значительным доходам от экспорта нефти. Во-вторых, различия в технологических возможностях, операционной практике и развитии инфраструктуры между двумя странами также создают барьеры для возможных двусторонних инвестиционных проектов. Различия в экономических целях, подходах к управлению ресурсами и отраслевых нормах негативно влияют на потенциальное сотрудничество [Shokri]. Обозначенные проблемы формируют серьезные препятствия на пути продвижения экономического взаимодействия, установления взаимовыгодных связей, формирования общности интересов и готовности к полноценному сотрудничеству.

Кроме того, не устранена проблема регионального соперничества, однако она носит относительно сдержанный характер. Так, несмотря на нормализацию отношений с Тегераном, Эр-Рияд частично участвовал в отражении иранских ответных атак на Израиль в апреле 2024 г., а в вопросе региональной безопасности по-прежнему делает ставку на поддержку США. Сохраняют свою остроту спор между ИРИ и КСА по проблемам территориальной принадлежности нефтегазового месторождения Араш/Дорра, укрепления взаимного доверия и обеспечения национальной безопасности.

Заключение

Ближневосточная дипломатия Китая в 2023 г. достигла успеха в имплементации китайской инициативы по глобальной безопасности в продвижение к разрешению одной из фундаментальных проблем региональной геополитики: при посредничестве Китая на официальном уровне был задан импульс к снижению ирано-саудовского противостояния. Пекинское соглашение положило начало позитивной динамике развития двусторонних отношений, отрегулировало механизм дальнейших переговоров, стало отправной точкой для установления взаимного доверия между КСА и ИРИ. В региональном контексте формирование в зоне Персидского залива и на Ближнем Востоке в целом системы безопасности, основанной на сотрудничестве между региональными странами, представляет собой постепенный процесс, в котором нормализация отношений между ИРИ и КСА является важным звеном. Возобновление дипломатических отношений между двумя региональными лидерами снижает степень региональной напряженности, однако по-прежнему оставляет актуальными вопросы дилеммы безопасности и проблемы, связанные с дефицитом доверия и укрепления сотрудничества.

Несмотря на то, что Ближний Восток становится все более многополярным, дальнейшее развитие региональной системы безопасности будет зависеть от баланса сил между странами и акторами региона, степени интеграции в региональные вопросы внешних игроков, а также потребности государств региона в обеспечении национальной безопасности. Западные принципы построения системы безопасности на Ближнем Востоке не доказали свою эффективность, так как безопасность должна формироваться странами региона, а этого можно достичь только путем укрепления их стратегической независимости. В данном контексте имидж Китая в качестве ответственного государства, новое видение Пекином формирования глобальной безопасности, традиционные внешнеполитические принципы дипломатии крупной страны с китайской спецификой, их универсальный характер, возможность их имплементации в региональную конъюнктуру, а также гармоничные отношения со странами региона позволяют КНР выступать в качестве конструктивного посредника в поиске компромиссных решений для управления безопасностью. Однако учитывая высокую степень неопределенности развития геополитической ситуации на Ближнем Востоке и американскую политику в регионе, в ближневосточных вопросах Китай проявляет сдержанность и осторожность, придерживается «золотой середины» и баланса между политическими целями и экономическими интересами.

Список литературы

Iran at Saudi Defense Show Signals Warmer Ties in Time of War // Bloomberg, February 6, 2024. [Electronic resource]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-02-06/iran-at-saudi-defense-show-signals-warmer-ties-in-time-of-war>, (accessed 31.05.2024).

Hudson J., Abutaleb Y., Lamothe D. China Brokers Iran-Saudi Arabia Detente, Raising Eyebrows in Washington // The Washington Post, March 10, 2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2023/03/10/china-saudi-iran-deal> (accessed 31.05.2024).

Shokri U. Saudi Iranian Relations Remain Cool Despite Renewed Diplomatic Ties // Iran International, February 3, 2024. [Electronic resource]. URL: <https://www.iranintl.com/en/202403187814> (accessed 31.05.2024).

王毅提出实现中东安全稳定的五点倡议，中华人民共和国外交部 (Ван И выдвинул инициативу из пяти пунктов по достижению безопасности и стабильности на Ближнем Востоке // МИД КНР), 26.03.2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://new.fmprc.gov.cn/web/wjzbzhd/t1864378.shtml> (дата обращения 31.05.2024).

王毅出席联合国安理会海湾地区局势部长级会议，中华人民共和国中央人民政府 (Ван И принял участие в министерской встрече Совета Безопасности ООН по ситуации в Персидском заливе // Центральное народное правительство КНР), 21.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/guowuyuan/2020-10/21/content_5552875.htm (дата обращения 31.05.2024).

《全球安全倡议概念文件》，中华人民共和国中央人民政府 (Концептуальный документ инициативы по глобальной безопасности // Центральное народное правительство КНР), 21.02.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.htm (дата обращения 31.05.2024).

牛新春，李绍先：《乘势而上：中国斡旋沙特伊朗复交及其影响》，载《国际问题研究》(Ню Синьчунь，Ли Шаосянь. Используя момент: посредничество Китая в возобновлении дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном и его результат // Исследования международных вопросов). 2023. Вып. 3. С. 38–54.

习近平在博鳌亚洲论坛2022年年会开幕式上发表主旨演讲，中共中央党校 (Си Цзиньпин выступил с речью на церемонии открытия ежегодного заседания Боаоского азиатского форума 2022 года // Партийная школа ЦК КПК), 22.04.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ccps.gov.cn/xtt/202204/t20220421_153659.shtml?eqid=8f6ad6b40037effc00000006648f0eb4 (дата обращения 31.05.2024).

习近平：《弘扬中阿友好精神 携手构建面向新时代的中阿命运共同体——在首届中国—阿拉伯国家峰会开幕式上的主旨讲话》，中华人民共和国中央人民政府（Си Цзиньпин: «Продвижение духа дружбы между Китаем и арабскими странами, совместное построение китайско-арабского сообщества единой судьбы в новую эпоху – Основное выступление на церемонии открытия первого Китайско-арабского саммита» // Центральное народное правительство КНР), 9.12.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2023/content_5736701.htm (дата обращения 31.05.2024).

中华人民共和国、沙特阿拉伯王国、伊朗伊斯兰共和国三方联合声明，中华人民共和国外交部（Совместное заявление КНР, КСА и ИРИ // МИД КНР), 10.03.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677172/xgxw_677178/202303/t20230310_11039137.shtml (дата обращения 31.05.2024).

孙德刚：《沙特与伊朗复交历程中的人类命运共同体实践》，载《当代中国与世界》（Сунь Дэган. Реализация концепции сообщества единой судьбы человечества в процессе восстановления дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном // Современный Китай и мир). 2023. Вып. 3. С. 97–104.

The article was submitted on 16.08.2024